

У того же Кальпиди многочисленные анаграммы имени Пермь становятся одним из главных ресурсов мифологизации образа города: империя, премьер, тюрьма, пернатый (“Пермь – пернатое засилье, вотчина ворон и галок”) и др. Нет оснований полагать, что подобное анаграмматическое мультиплицирование ключевого имени и сюжетизация отдельных анаграмм, присущи только пермскому тексту. Очевидно, это один из механизмов развития локального текста вообще. В нем отчетливо проявляется формирующая сила текста, ресурсы его саморазвития, его независимость и реальность.

М. П. Абашева
Пермь

ЛОГИКА ЖАНРОВОГО РАЗВИТИЯ ПРОЗЫ 1980-1990-Х ГОДОВ

Смена культурной парадигмы в постперестроечной России, радикальное изменение социокультурной ситуации повлияли на природу жанров, наверное, в большей степени, чем внутренние, имманентные жанрообразовательные процессы. Принципиальные перемены в самом существовании литературы прямо отражаются в движении жанров: утрачен привычный в отечественной традиции литературоцентризм, ушло в прошлое понимание роли писателя как пророка и учителя жизни – и с ними уходит тип недавно популярного в советской литературе социально-психологического романа (“Плаха” Ч. Айтматова, “Пожар” В. Распутина, “Печальный детектив” В. Астафьева); установилось более близкое взаимодействие с теорией и практикой мирового искусства – и постмодернистский роман вбирает в себя новые языки времени – газету (“Роман с газетой” Е. Попова), анекдот (“Чапаев и Пустота” В. Пелевина), политическую мифологию (“Палисандрия” С. Соколова); новые условия “коммерческого” бытования литературы породили резкое изменение в журнально-издательской деятельности – и некрупный жанр эссе выдвигается с периферии в центр литературной жизни.

Налицо разложение недавно авторитетных для писателя и читателя жанровых форм, специализированное развитие их внешних, стилистических признаков. Исторический роман оборачиваются сегодня исторической стилизацией (“Хоровод” А. Уткина), зачастую сказового характера (“Повесть о бесовском самокипе, персиянских слонах и лазеревом цветочке, рассказанная Асафием Миловзоровым и записанная его внуком” Ф. Солянова), а тип религиозно-философского романа (как, например, “Псалом” Ф. Горенштейна) сменяется прямым

наложением библейского мифа на бытовое, профанное повествование (“Царство земное и небесное” Г. Петрова).

Взамен старым жанрообразовательным тенденциям в современной прозе явно наметились две новые, по сути разнонаправленные: к сохранению, неизменности жанровой структуры – в массовой литературе, и к ее размыванию (“жанровый критицизм”, в терминах М. Бахтина) – в, условно говоря, элитарной.

В массовой литературе – в детективе, триллере, дамском романе и т.п. - жанр стремится сохранить устойчивые опознаваемые признаки и вместе с тем включить актуальное современное содержание. “Серьезный”, но претендующий на коммерческий успех автор предусматривает характерное для постмодернизма “двойное кодирование”, рассчитывая на элитарного и массового читателя одновременно, и тогда готовый жанровый образец намеренно подчеркивается: так, А. Слаповский выносит в подзаголовок своих романов определения “воровской романс” (“Братья”) или “рок-баллада” (“Крюк), М. Веллер пишет вестерн и политический детектив.

В “элитарной” литературе наблюдается тенденция к “авторизации” жанровых определений, ухода от строгих жанровых форм: “история болезни” С. Гандлевского (“Трепанация черепа”), “сборный рассказ” О. Павлова (“Конец века”), “Глава четвертая, рассказанная Геннадием” М. Вишневецкой. Тот же, в сущности, эффект изъятия произведения из жанрового ряда и помещения его в ряд индивидуально обозначенных текстов дает перенесение “имени” жанра в заглавие произведения: “Роман с простатитом” А. Мелихова, “Роман воспитания” Н. Горлановой и В. Букура. А точное жанровое определение может оказаться провокацией, где сам текст входит в противоречие с привычным жанровым содержанием, взрывает его (“Роман” В. Сорокина).

Многие значительные произведения настоящего времени представляют собой жанровый конгломерат (“Бесконечный тупик” Д. Галковского), что наглядно проявляет важную тенденцию развития современной прозы к жанровому синтезу, к экспансии эссеизма, мемуаристики в беллетристические жанры.

В отказе от строгих жанровых определений сказывается стремление к острающей новизне художественного высказывания, нарушению читательских ожиданий и установлению новых конвенций.

Такая картина жанрового движения, детерминированная главным образом внелитературными факторами, вновь делает актуальными исследовательские идеи и методы Б. М. Эйхенбаума, Ю.

Н. Тынянова, В. Б. Шкловского (связанные с проблемой литературной эволюции), а также принципы историко-функционального и историко-рецептивного анализа, тоже во многом predeterminedные русской формальной школой.

А. А. Алексеев
Шадринск

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО РЕАЛИЗМА В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

По мнению И. Есаулова, поставившего вопрос о христианских истоках всей классической русской литературы XIX века, она представляет собой синтез традиционной русской (т.е. православной) и “русифицированной” секуляризированной литературы Европы. При этом жанровые (внешние) формы ее соответствуют европейским, а глубинное содержание восходит к древнерусским традициям.

Конечно, это всего лишь научная метафора. Но даже в этом качестве она не отвечает реальности: органичное соединение европейского гуманизма, поставившего в центр мира - на место Божие - человека (и потому - богоборческого), с христианством, где центр и основание всего - Бог, невозможно. Конечная цель первого - счастье при жизни, второго - спасение души через жертву. Между ними царит борьба, а не единство.

Так было и в эпоху русского реализма. Художнику приходилось делать выбор между реализмом духовным, изображающим мир как соединение света и тьмы, добра и зла, но критикующего личность и общество за их несоответствие заповедям Божиим и облику Иисуса Христа (в первую очередь - заповеди любви), и реализмом социально-гуманистическим, который обличал их за несоответствие некоей идеальной философской модели “золотого века”. Первый искал возрождения человека на путях веры и христианской любви (“возлюби Господа Бога Твоего” и “ближнего твоего как самого себя” - Мк., 12: 30-31), второй, полагая человека потенциально добрым, требовал исправления общества, “портящего личность (Салтыков-Щедрин: Болото родит чертей, а не черти создают болото”).

По аналогии с Европой критика и литературоведение России трактовали их как единое направление - критический реализм. Но если установки второго действительно близки к этому европейскому феномену (даже в том, что для одной группы писателей истины